

XX 96
33

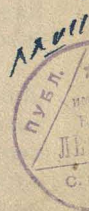
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЖУРНАЛ

НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА

№ 3

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА
МОСКВА 1928

Земельная реформа в Средней Азии.

Экономика Средней Азии характеризуется чрезвычайным разнообразием форм. Новые экономические формы возникали прежде, чем старые успевали исчезнуть, и в результате мы имеем такую пестроту, которая делает Среднюю Азию прекрасным иллюстративным материалом для изучения истории экономических форм. На территории Средней Азии переплетаются и уживаются рядом родовой кочевой быт киргиза-кочевника с высоко-развитым товарным хозяйством хлопкороба, кооперированного и через кооперацию связанного с социалистическим сектором нашего народного хозяйства. Вот это-то сосуществование в Средней Азии столь разнообразных экономических формаций характеризует и аграрные отношения, где причудливо переплетаются родовые элементы в земельно-водных отношениях с отношениями высоко-развитого капитализма, а сейчас и с элементами социализма.

Ключем к пониманию аграрных отношений является здесь изучение всей истории Средней Азии как до, так и после завоевания, так как только изучение ее истории, изучение истории ее орошения объясняют нам, откуда растут родовые и феодалные пережитки в аграрных отношениях. Изучение ее истории после завоевания показывает нам, как эти отношения, преобразовывались под влиянием проникновения капитализма в сельское хозяйство и каким образом развивающийся капитализм подчиняет себе архаические формы земельных отношений. ✓

Рамки журнальной статьи не дают возможности с достаточной полнотой ответить на все эти вопросы, и поэтому приходится ограничиться лишь кратким почти

конспективным изложением того, как и под влиянием каких факторов складывались земельные отношения, заранее оговариваясь, что многое в этой части статьи идет лишь в порядке постановки вопроса и служит лишь рабочей гипотезой, которая еще нуждается в дальнейшей серьезной проверке.

История Средней Азии, начиная со второго века до начала нашей эры и кончая средними веками, представляет из себя сплошную цепь завоеваний, из которых главнейшие и наложившие наибольший отпечаток на всю ее экономику были: арабское завоевание VII века и тюрко-монгольские нашествия 12 и 13 столетия.

Характерным для всех этих завоеваний — особенно арабского и монгольского — является то, что на территорию Средней Азии приходили кочевые народы с крепкой военно-родовой организацией. Оседая на землях, переходя там к земледельческому труду, проводя крупнейшие ирригационные сооружения, они сохраняли и при оседлом образе жизни целый ряд родовых пережитков. Роды расселялись всегда на определенной территории и, ведя уже оседлый и полу-оседлый образ жизни, очень долго сохраняли свою родовую организацию. В Бухаре до 1920 года сам аппарат власти был полон этих родовых пережитков. Так, например, бухарские эмиры были выходцами из рода Мангыт, Шахризьабские беки в течение ряда столетий назначались из враждебного Мангытам рода Кенигез. Вообще, население каждого бекства Бухары, состоящее из нескольких родов, управлялось всегда каким-нибудь одним родом-монополистом. В той же Бухаре, в особенности, ее восточной части, родовые пережитки сохранились до наших дней и часто бывают настолько сильны, что заслоняют понятие о национальности. Так, например, при обследовании областей 1926 г. в целом ряде районов Бухары дехкане на вопрос о национальности называли точно свой род и племя и неизменно при этом добавляли: „Узбеки мы, или киргизы, этого мы не знаем“.

Совершенно обратная картина наблюдалась у узбеков Ташкентской и Ферганской областей, областей с высоко-развитыми товарными отношениями, куда уже основательно проник капитализм. Там, при том же обследовании 1926 г. даже старики на вопрос о роде ничего ответить не могли,

заявляя, что они уже этого не помнят. Родовые пережитки, разрушенные к моменту революции в передовых областях Узбекистана и довольно хорошо сохранившиеся до наших дней в Киргизии и Туркмении, совершенно естественно наложили сильнейший отпечаток на всю феодальную систему Средней Азии. Изучение родового строя Киргизии и Туркмении, в особенности, изучение тех процессов, которые происходят в результате его разложения при переходе к земледелию, чрезвычайно облегчают как понимание земельных отношений в узбекских районах, так и понимание вопроса об особенностях восточного феодализма. Насколько эти родовые черты у туркмен сильны, видно хотя бы из того, что туркменский аул — это почти всегда колено одного рода, волость — род, а группа соседних волостей — племя. Феодальный строй Средней Азии вырос на основе разложения родового быта и, совершенно естественно, довольно долго сохранял его черты. Точно так же и земельные отношения складывались под сильным влиянием родовых моментов. Земля на которой кочевал род, считалась собственностью рода, родовой общины и ежегодно переделывалась по жребью между сородичами. Но по мере оседания, по мере проведения ирригационной сети и перехода к земледелию, родовая община разлагалась, и на смену родовым отношениям приходили отношения другого порядка. В результате оседания и проведения ирригационной сети происходили новые процессы, развивавшиеся в основном в двух направлениях.

С одной стороны, ирригационные работы, требовавшие коллективного труда большого количества людей и бывшие не под силу одному роду, проводились силами нескольких родов под руководством хана, который и являлся руководителем этих работ. Работы по орошению, составлявшие одну из главнейших функций государственной власти на Востоке, несомненно усиливали власть хана над вновь орошенной территорией, передавали как бы эту территорию в собственность государства в лице его главы — хана.

С другой стороны, необходимость поддержания в порядке мельчайшей ирригационной сети, непосредственно пропускающей воду на поля, требовала закрепления

определенных участков за хозяйством на длительный срок. Тут проявляются две тенденции: с одной стороны — тенденция национализации земли, с другой — тенденция закрепления земли за отдельными хозяйствами на правах собственности. Под влиянием этих двух тенденций складывались земельные отношения.

Усиление власти хана, руководителя и организатора ирригационных работ, свободное распоряжение земельными наделами, раздача земли за службу и другие заслуги, сбор с этой земли налога, совпадающего для тех периодов с земельной рентой — все это безусловно характеризует тенденцию к появлению государственной собственности на землю. Тут следует отметить одну характерную черточку: процесс огосударствления земельной собственности в Хивинском ханстве зашел дальше, чем где бы то ни было в Средней Азии. Значительная часть земель там называлась падшалык, т.-е., что в переводе означает „принадлежащая главе государства“, а сидевшие на ней крестьяне назывались бивантели, т.-е., безземельные. Так далеко зашедший процесс огосударствления земельной собственности в Хиве объясняется тем, что вся жизнь Хивы зависит от одной реки Аму-Дарьи и что поэтому хан, как руководитель ирригационных работ, получал такую громадную власть над землей. Одновременно с этим процессом наметилось сначала сокращение, а потом и постепенное прекращение ежегодных переделов земли. Появлялась собственность на землю как феодальная, так и крестьянская.

К моменту завоевания Средней Азии мы имели в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, в тех частях, которые входят в состав нынешнего Узбекистана и где родовой строй уже разложился, следующие виды земель: 1) амляковые [земли (им соответствовали земли падшалык в Хивинском ханстве), 2) мюльковые земли и 3) вакуфные.

Термин амляковые земли обычно переводили как государственные земли. По сути это были земли, обложенные налогом в пользу государства. Здесь государство, номинальный собственник всей земли, путем внеэкономического принуждения отбирает у производителя почти весь или весь прибавочный продукт в форме

налога, т.-е. „тогда не существует никакого налога, который был-бы отличен от этой формы земельной ренты“... „государство здесь верховный собственник земли, суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе“. (Маркс „Капитал“, том третий, ч. II, стр. 327).

Итак, тенденция к огосударствлению земельной собственности на территории нынешнего Узбекистана несомненно была. Она получила свое наиболее полное завершение в Хивинском ханстве и несколько слабее появлялась в других. Но, как было отмечено выше, одновременно начала появляться как крестьянская, так и феодальная собственность. Крестьянская собственность на землю возникала в результате разложения общины и перехода к подворно-участковому землепользованию на амлячных землях, феодальная в виде мюльков и вакуфов.

Мюльковые земли целиком или частично освобождались от налогов и раздавались ханами за службу, или другие услуги. По существу это были поместья феодального типа, своеобразные средне-азиатские вотчины.

Мюлькадар, освобожденный от платежа налога, собирал с крестьян, сидевших на его земле, в виде земельной ренты весь или почти весь прибавочный продукт. До нас почти не дошло сведений о способе ведения хозяйства на мюльковых землях, но по тем отдельным данным, которые имеются в ряде источников, можно установить, что мюлькадар своего самостоятельного хозяйства на определенном участке земли не вел. Не было еще в мюльковом владении классического деления на домен и крестьянские земли.

Вся мюльковая земля обрабатывалась половинщиками, работавшими при помощи своих средств производства и платившими феодальному собственнику земли — мюлькадару натуральную ренту в размере $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{10}$ урожая. По подсчетам Губаревича-Радобыльского мюльковых земель в одном Бухарском ханстве насчитывается до 10% всей поливной посевной площади. О степени распространения мюльковых земель и о распределении мюльковых земель по ханствам судить на основании печатных источников невозможно. Для этого нужно большое самостоятельное исследование мюльковых документов, архивов ханских

канцелярий, записей в хараджных книгах и т. д. и т. п. Во всяком случае цифра в 10% мюльковых земель, до завоевания, может считаться правдоподобной.

Вакуфные земли — это земли мечетей, медресе и других учреждений религиозного культа, составившиеся частью из ханских пожалований, частью из пожертвований самих мюлькадаров, владельцев мюльков.

Вакуфные земли, так же как и мюльковые, были фактически освобождены от налогов, и так же, как и на мюльковых землях, все хозяйство велось при помощи „ярымчей“ (половинщиков), которые обрабатывали землю исполу, своими орудиями труда.

„Ярымчи“, сидевший на вакуфной земле, по сути дела, был тот же полукрепостной, что и сидевший на мюльковых. О размерах вакуфных земель за отсутствием статистических данных судить невозможно, но по отдельным районам вакуфы составляли до 30% всей поливной земли.

И мюльки и вакуфы были типичными поместьями феодального типа, на землях которых вели самостоятельное хозяйство крестьяне, работая своими орудиями труда и платя землевладельцу натуральную ренту.

Укрепление и развитие феодального строя знаменовалось ростом мюльковых и вакуфных земель за счет амляковых, т. е. — в переводе на язык современной политической экономии — увеличивалось число земель, на которых получателем земельной ренты выступал землевладелец, и сокращалось число земель, где получателем земельной ренты в виде налогов выступало государство.

Несколько иначе обстояло дело в Киргизии и Туркмении. На Киргизии мы здесь останавливаться не будем, поскольку там сейчас только приступают к проведению земельной реформы и ограничимся только замечаниями об особенностях Туркмении.

Здесь тенденция национализации земли не проявлялась. Оросительные работы большей частью проводились силами одного рода, и земли и воды становились его собственностью. В Туркмении земли и воды делятся на два типа: санашковые, которые по жребию распределялись между родами и потом ежегодно внутри хозяйств по жребию же между сороди-

чами¹⁾, и сравнительно поздно появившиеся мюльковые, частновладельческие земли.

У туркмен, у которых процесс оседания еще не закончился и по сию пору, родовые пережитки в земельных отношениях дошли до наших дней, и деление на санашковые и мюльковые земли было уничтожено только земельной реформой 1925 года. Кроме мюльковых земель появились государственные земли — селях-су и вакуфы.

И в Туркмении родовая собственность на землю уступала место феодальной собственности, и здесь происходил, правда, очень замедленным темпом и в несколько своеобразной форме процесс феодализации.

Почти во всей Средней Азии к моменту завоевания на место гибнущей родовой и государственной собственности на землю появилась феодальная собственность в виде вакуфов и мюльков, а кое-где и крестьянская собственность.

Однако, для превращения этих видов собственности в буржуазную собственность, т.-е. для превращения земли в объект купли и продажи, понадобилось довольно значительное проникновение капитализма в сельское хозяйство.

К моменту завоевания в этом направлении были сделаны первые шаги, и уже в 40-х годах прошлого столетия все чаще и чаще попадаются сведения о продаже не только мюльковых, но и амлячных земель.

К тому же времени в Кокандском и Бухарском ханствах, изменяется право наследования. Земельный участок начинает дробиться между всеми наследниками в определенной пропорции, т.-е., появляется право наследования, типичное для эпохи буржуазной собственности на землю.

Но для окончательного распада государственной собственности на землю и для превращения феодальных форм собственности в буржуазную потребовалось более значительное вовлечение Средней Азии в торговый оборот, изменение самого характера торговли, более глубокое проникновение торговли в сельское хозяйство, увеличение товарности хозяйства.

¹⁾ Распределение земли между родами по жребию приводило к тому, что количество земли у рода находилось вне зависимости от численности рода, и потому земельные наделы внутри отдельных родов колебались весьма значительно от 1,7 до 6,4 десятины на 1 хозяйство.

Завоевание Средней Азии, вторжение в нее торгового и банкового капитала метрополии чрезвычайно быстро в оседлых районах разрушило феодальное деление земель на отдельные виды и вызвало распространение буржуазных форм земельной собственности.

Царское правительство, в течение двадцати лет колебавшееся в вопросах поземельной политики между политикой национализации земли и политикой установления частной собственности на землю, наконец, в 1886 году закрепило в оседлых районах нынешнего Узбекистана землю на правах собственности за туземным населением, уничтожив всякие мюльковые привилегии, поурезав значительно вакуфы, и сохранило *status quo* для Туркмении.

Эти мероприятия в значительной степени расчистили почву для проникновения капитализма в сельское хозяйство Средней Азии, помогли разрушить натуральный уклад хозяйства и облегчили превращение Средней Азии в хлопковую базу российского капитализма.

Превращение Туркестана в колонию началось еще до внедрения там семян американского хлопка. Достаточно посмотреть на изменение характера экспорта и импорта для того, чтобы убедиться в этом. В 40-х—50-х годах главным предметом вывоза из Средней Азии были хлопчато-бумажные ткани. За период с 1840—50 г.г. было вывезено орудий на 4.012.028 рублей и ввезено лишь на 150.000 рублей хлопчато-бумажных тканей. Все литературные источники 40 и 50 г.г. полны жалоб на то, что русская китайка не может конкурировать с среднеазиатскими бумажными тканями. Вывоз хлопка-сырца играет в 40—50 г.г. незначительную роль и достигает всего 971.000 рублей. Но уже в 70-х г.г. в Туркестан ввозится мануфактуры на пять с лишним миллионов рублей. Итак, за 20 лет увеличение ввоза мануфактуры с 150.000 до 5 миллионов. Вывоз же из Туркестана за эти 20 лет увеличился в 8 раз: в 50-х г.г. — 270.000 рублей, в 70-х г.г. — 2.700.000 рублей и стал исключительно сырьевым вывозом.

Вышеприведенные данные показывают, как постепенно торговля со Средней Азией приобретает типичные колониальные черты — вывоз сырья и ввоз готовых изделий, произведенных метрополией. 1907/8 г. торговля со Сред-

ней Азией носила резко выраженный колониальный характер. Вывозилось исключительно сырье, привозились фабрики и хлеб. Но для того, чтоб резко изменился характер торговли, нужна была, конечно, целая революция в экономике Туркестана. Для того, чтобы ввозить в Туркестан ежегодно по 18—20 миллионов пудов хлеба и значительное хозяйство промтоваров и вывозить миллионы пудов хлопка, нужно было превратить туркестанское сельское хозяйство из натурального в товарное, и этот процесс превращения начался внедрением американского хлопка. До завоевания Туркестана хлопок играл довольно незначительную роль. Сеялся, по преимуществу, низкосортный туземный хлопок в количестве, потребном для удовлетворения нужд семьи. Хозяйство носило в основном натуральный характер. Российскому капитализму предстояло превратить эту страну в сырьевую базу, следовательно, товаризировать дехканское хозяйство. Капитализм проник в Туркестан вместе с семенами американского хлопка. в форме кредита на посев американского хлопка. Дело в том, что хлопок — культура чрезвычайно трудоемкая, требующая значительного удобрения и большой затраты рабочей силы в критические периоды (окучка, полка, сбор). О трудоемкости хлопка можно судить хотя бы по вычислениям агронома Юферева, который считал трудовые затраты на десятину пшеницы в Фергане в 36 дней, а на десятину хлопка — 140. Тот же Юферев высчитывает, что в Фергане перед войной стоимость обработки одной десятины хлопка туземным способом равнялась 173,4 р., а по исчислениям Понятовского даже подымалась до 196 р. 20 к. Если к этому добавить, что в критические периоды даже мелкие хозяйства, имеющие $1\frac{1}{2}$ —2 десятины посева, вынуждены прибегать к найму рабочей силы, то станет совершенно понятным, что без кредита к посевам американского хлопка мелкое хозяйство перейти не могло. В 80-х г. г. этот кредит широкой волной покатился в Туркестан. Российский торговый капитал в союзе с туземным стал кредитовать дехкан, организовывать скупку хлопка. Целый ряд крупнейших торговых фирм — Вадяевское товарищество, Потеляховы, Кноп, Крафт и др., тесно связанные с московскими банками, устремились на скупку хлопка.

Капитализм шел в сельское хозяйство Средней Азии всем аппаратом торгового и банкового капитала метрополии.

В новую колонию шел не промышленный капитал, а — как это всегда и бывает — своеобразный блок банкового и торгового капитала, который в колонии связывался с остатками родовой и феодальной аристократии и тесно сплетенными с ней элементами туземного торгового капитала. Само проникновение торгового капитала в дехканское хозяйство, как мы уже отмечали, в значительной степени облегчалось специфическими условиями культуры хлопка, крайней нуждой в кредите которую обычно испытывали мелкие хозяйства, переходя к хлопку. Пользуясь этим, хлопковые фирмы обычно с весны начинали озадачивание посевщиков. Насколько глубоко проникли кредитные отношения в дехканское хозяйство, можно судить по данным сенаторской ревизии Палена. Так, из 6.415 хозяйств, подворно обследованных, в оседлых местностях Туркестана, входящих ныне в состав УЗССР, оказалось задолженными 2.703 хозяйства, или 42% всех хозяйств. В среднем, на одно хозяйство задолженность достигает 175 рублей. В долинных местностях, т.-е. там, где сеется преимущественно хлопок, процент хозяйств, прибегавших к кредиту, по тем же данным представлял 45,7%, подымаясь до 65%, в тех волостях, где хлопок является преобладающей культурой, размер задолженности на одно хозяйство достигает там 295 рублей.

Условия кредита были самые ростовщические, и большинство кредитных сделок носило резко выраженный кабальный характер.

Пален доказывает, ссылаясь на докладную записку одного из инспекторов мелкого кредита, что население пользуется кредитом у частных лиц, платя от 48 до 100% годовых. Значительная часть кредитных сделок совершается под залог земли. Так, в Фергане в 1903 г., по данным того же Палена, было заключено 76.819 сделок под залог земли на сумму 6,8 миллиона рублей, а под залог разного рода имуществ 53.165 сделок на сумму 5,9 миллиона рублей.

Всего накануне мировой войны в Фергане раздавалось до 30 миллионов рублей кредита под хлопок,

из которых 10 миллионов раздавались фирмами и около 20 миллионов мобилизовали фирмы у местной торговой буржуазии.

Роль государственного кредита была совершенно уничтожна, не подымаясь никогда выше 200.000 рублей в год.

Капитализм, проникнув в сельское хозяйство Средней Азии, опутывая дехканина сложной сетью кредита, чрезвычайно быстро разрушил весь натуральный уклад хозяйства и произвел глубокие изменения в земельных отношениях.

Даже в Туркмении, наткнувшись на крепкий родовой уклад, капитализм ускорил темп роста частновладельческих мюльковых земель и вызвал усиленное расслоение крестьянства. Помимо того, что мюльковые земли, ставшие в результате внедрения капитализма объектами купли-продажи, концентрировались в байских руках, процесс концентрации коснулся также и санашковых (родовых) земель. Используя брачное право, в силу которого надел земли и воды получает лишь женатый, вернее, помолвленный мужчина, байы покупали жен своим новорожденным сыновьям, устраивали помолвки чуть ли не грудных детей, получали на них земельные наделы и таким образом сконцентрировали в своих руках значительную часть санашковых земель. Бедняк же, не имея возможности жениться и уплатить высокий калым, доходящий до 50 верблюдов, оставался без земельного надела. В последнее время в Мервском округе Туркмении насчитывалось 14% безземельных и 2,89% хозяйств свыше 10 десятин.

Капитализм, проникнув в туркменский аул, не сумел произвести радикальной ломки родовых отношений и лишь поставил родовые пережитки на службу капиталу, используя их для эксплоатации туркменского крестьянина.

Значительно более серьезное изменение капитализм произвел в земельных отношениях узбекских районов, составлявших главную серьезную базу российского капитализма.

Там капитализм проник глубже, разрушение натуральных отношений пошло более быстрым темпом. Лучшим показателем этого является увеличение товарности хозяйства, рост посевов хлопка, культуры исключительно

товарной. Так рост посевов хлопка характеризуется следующими данными:

Годы	Колич. десятин хлопк. посева.
1884 г.	300 д.
1894 г.	116.452 д.
1904 г.	253.647 д.
1914 г.	460.505 д.

По некоторым уездам Ферганы хлопковые посевы занимали 57% всей посевной площади и в Мервском уезде нынешней Туркмении доходили до 51%.

Товарная же часть продукции сельского хозяйства в Туркестане составляла, в среднем, 65,15%, повышаясь в Фергане до 70%. Подавляющее большинство сельскохозяйственных продуктов в оседлых районах Средней Азии производились как товар. Но превращение продукта в товар неизбежно ведет за собой и превращение земли в товар. Земля начала превращаться в товар раньше, чем началось бурное развитие хлопководства, но совершенно очевидно, что земля превратилась в товар именно в результате развития товарности хозяйства. „Мобильность земельной собственности — вот ось всей сартовской экономики“, — говорится в предисловии к 45 бюджетам Ферганской области. Об этой же мобильности красноречиво свидетельствуют материалы санитарной ревизии Палена и ряд других статистических данных. На основании материалов бюджетного обследования 45 хозяйств Ферганской области по трем районам Ферганы получается следующая картина:

Название района	Унаследов. земля	Купленная с 1910—1915 г.
Ганджированский . . .	18,79 д.	17,16 д.
Якобитский	9,7 „	18,68 „
Бешаритский	21,97 „	20,01 „

Цена земли была тоже чрезвычайно высока. Так, по данным тех же 45 бюджетов одна десятина поливной земли в хлопковых районах Ферганы в 1915 году стоила в среднем 1.000 рублей.

Тяжелый пресс капиталистического кредита метрополии, частная собственность на землю — все это тяжелым

гнетом ложится на колониального дехканина. И кредит и существование частной собственности на землю, при столь высокой товарности хозяйства, неизбежно способствовали быстрому росту дифференциации, быстрому росту обезземеления. Достаточно одного неурожайного года для того, чтобы парцеллярный крестьянин, обремененный кредитом, лишался земли и переходил в ряды безземельных пролетариев, а принимая во внимание чрезвычайно слабое развитие промышленности Средней Азии, — в ряды люмпен-пролетариев. Действительно, количество люмпен-пролетариата, как, впрочем, во всех колониях и полуколониях, чрезвычайно велико. Они бродят по большим дорогам, занимаются мелким нищенством, дервишеством, нанимаясь иногда на случайную поденную работу. Но помимо создания больших кадров безземельных создается громадная группа рабочих с наделом без инвентаря, т.е. таких, которые не могут прокормиться на своем клочке земли и вынуждены продавать свою рабочую силу. Свободных рабочих Понятовский насчитывает в Фергане к 1907 году — 150 тысяч человек и к 1910 г. — 200 тысяч человек. Нам очень трудно представить сведения о темпе дифференциации, ибо состояние переписей 1867 и 1907 гг. не дают материалов для установлении темпа дифференциации. Но к 1917 году дифференциация достигла значительных размеров.

Группы хозяйств по землевлад.	Ферганск. обл.		Самаркандск. обл.	
	% хоз.	У них % земли.	% хоз.	У них % земли.
До 1 десятины . . .	51	9,8	24	2
От 1 до 3 дес. . .	30,1	23,4	26,1	8,2
„ 3 „ 5 „ . . .	9,1	15,2	14,2	9,4
„ 5 „ 10 „ . . .	6,3	20,3	18,3	23,2
„ 10 „ 20 „ . . .	2,5	15,3	11,8	28,2
Свыше 20 дес. . . .	1,0	16	5,6	29

Итак, к 1917 году в Фергане, т.е. в области, куда больше всего проник капитализм, 51% хозяйств имело 9,8% земли и, с другой стороны — 31½% хозяйств имело 31,3% земли. Дифференциация колоссальная. В Средней Азии к началу революции фактически созрели почти все те условия, которые Маркс считал необходимыми для гибели парцеллярной собственности. Цена земли тяжелым

прессом давила на хозяйство парцеллярного собственника. Ростовщичество достигло колоссальных размеров и опутывало дехканина с головы до ног. Истощение почвы, на которой в течение десятков лет без удобрения сеялся один только хлопок, без всякого севооборота, было чрезвычайно велико. Общественные пастбища, помогающие мелкому собственнику держать рабочий скот, в Фергане исчезли совершенно и начали исчезать и в других районах; наконец, деревенская промышленность, помогающая полунатуральному парцеллярному хозяину сводить концы с концами, в XX веке исчезла совершенно. Ручное ткачество вытеснялось российским ситцем и погибало. Другие ремесла выделялись из крестьянского хозяйства в самостоятельные, замкнутые, городские цеховые организации. В несколько модифицированном виде сказывалось также и влияние конкуренции крупного хозяйства, работающего на более высокой технической основе. Хлопковому хозяйству в Средней Азии приходилось выдерживать конкуренцию с американским хлопком, несмотря на то, что на америанский хлопок были высокие протекционные пошлины, доходящие до 5 руб. на пуд волокна. Выгода высоких протекционных пошлин до дехканина не доходила, застревая в карманах хлопковых фирм и тысячной армии скупщиков-комиссионеров.

Словом, налицо были все условия для гибели парцеллярной собственности, и, действительно, сельское хозяйство хлопковых районов к моменту мировой войны переживало жесточайший затяжной кризис, который и был кризисом парцеллярной собственности. Но здесь выступает характерная черта для всех колоний: на смену медленно гибнущей парцеллярной собственности приходило не капиталистическое хозяйство фермерского типа, а байское хозяйство, хозяйство по своей структуре полуфеодальное. Возникнув в результате скупки земель у разоряющихся крестьян, т.-е. возникнув капиталистически, они ведут хозяйство все более и более крепостнически.

Техника этих хозяйств весьма примитивная, работают они теми же примитивными орудиями труда, что и бедняки, не применяя почти европейского инвентаря. Так, у пятисот помещичьих хозяйств, ликвидированных в процессе земреформы, оказалось всего несколько десятков

плугов и почти никакого другого европейского инвентаря. Никакой концентрации производственного процесса в этих хозяйствах нет; обычно хозяйство состоит из нескольких десятков участков, разбросанных на большом расстоянии друг от друга, и на каждом участке сидит чайрикер-издольщик. О количестве участков крупных хозяйств можно судить на основании материалов земреформы, из которых видно, что у 474 крупных землевладельцев было 2.563 участка земли, из которых 1.889 были в своем и 614 в чужом земельном обществе.

Хозяйства, состоящие из 50—60 участков земли с несколькими десятками чайрикеров,—явление в оседлых узбекских районах совсем не редкое. Не входя здесь, за недостатком места, в анализ института чайрикерства (издольщины), нужно здесь только отметить, что чайрикерство бесспорно является институтом полуфеодалного типа. Возникнув в средние века на мюльковых и вакуфных землях, тщательно регламентированное нормами шариата (мусульманского права) чайрикерство сохранилось до наших дней, перейдя с мюльковых на байские земли. Конечно, чайрикерский институт претерпел за последние десятилетия некоторую капиталистическую эволюцию, появились некоторые новые штрихи, выражающие тенденцию превращения чайрикера в наемного рабочего. Появился чайрикер без инвентаря, уходящий на заработки в другой уезд, а иногда и в другую область, но все же и до наших дней чайрикер в наемного рабочего не превратился и не освободился еще от патриархально-феодалных черт.

Чайрикерская сделка — в большинстве своем типичная полукрепостническая кабальная сделка. Чайрикер кормится у хозяина, забирая у него продукты в долг, жена чайрикера зачастую нянчит детей и стирает белье у хозяина, хозяин женит холостого чайрикера, словом, весь бытовой уклад жизни чайрикера тесно связан с хозяином. Чайрикер — вечный должник баев, ибо обычно по окончании года, при расчетах, он фактически не получает своей доли урожая, а за ним остается еще некоторый долг, для отработки которого он снова остается у того же хозяина еще на один сезон. Чайрикер, работающий 10—15 лет у хозяина, не могущий от него уйти, так как не в состоянии

расплатиться с долгами, — явление довольно распространенное. Бывают случаи, когда после смерти такого задолжавшего чайрикера кто-нибудь из его родственников продолжает отрабатывать этот долг землевладельцу. Был даже зарегистрирован в Ташкентском уезде случай, когда землевладелец запретил хоронить умершего чайрикера, пока один из его родственников не согласился отрабатывать за его долги. Таков уклад жизни чайрикера, этого своеобразного полукрепостного, дожившего до наших дней. Совершенно естественно, что хозяйство, работающее при помощи такого чайрикерского труда (а $\frac{5}{6}$ земель у крупных хозяйств обрабатывается чайрикерским трудом), не может считаться капиталистическим, а является хозяйством полуфеодалного типа. Таковы почти все крупные хозяйства. И тут, естественно, возникает вопрос, почему в результате развития капитализма в Средней Азии выросло не капиталистическое хозяйство, а байское полуфеодалное хозяйство? Ответ на этот вопрос надо искать в особых условиях развития капитализма в колонии.

Капитал, проникая в колонию, не развивает там промышленности, а стремится превратить колонию в свою сырьевую базу. Промышленность в Туркестане, как впрочем и во всех колониях, не развивалась. Разоренный дехканин в город итти не мог и неизбежно должен был оставаться в сельском хозяйстве. Такова особенность развития капитализма в колониях. Аграрное перенаселение деревни в виду отсутствия промышленности не рассасывалось, а всей своей тяжестью давило на сельское хозяйство. Товарность крестьянского хозяйства росла, а с ней неизбежно росла дифференциация и обезземеливание, а промышленность в городах не развивалась, и разоренный крестьянин оставался в деревне. По подсчетам Заорской и Александер, всего в Туркестане было 21.000 рабочих, из которых 6.000 пришлых и только 15.000 из коренного населения. На 466 жителей в Туркестане приходился лишь один рабочий.

Совершенно понятно, что при таком положении крестьянин не может бросить свой клочок земли и идет работать на любых кабальных условиях к землевладельцу. Если добавить, что на Среднюю Азию давило еще аграрное перенаселение соседних стран (Северных провинций

Китая, Кашгарии и Афганистана), что каждую весну несколько десятков тысяч кашгарских рабочих переходили границу, то станет понятным, что при таком большом количестве избыточной рабочей силы не было никаких стимулов вводить усовершенствованные машины, строить капиталистическую ферму.

Бурный рост товарности сельского хозяйства в хлопковых районах Средней Азии вызвал столь же бурный рост внутреннего рынка, спрос как на основные предметы питания—хлеб,—так и на продукты промышленности. Естественно, что при таких условиях вложение капитала в торговлю было чрезвычайно выгодно. Крупный землевладелец, обеспеченный дешевым чайрикерским трудом, предпочитает вкладывать получаемую им земельную ренту в торговые и ростовщические операции, а не на дело поднятия своего хозяйства, на приобретение сел-хоз. машин, покупку удобрений и т. д.

Аграрное перенаселение, давшее необычайно дешевый труд чайрикеров, с одной стороны, и высокий процент прибыли, который приносил капитал, помещенный в торговлю и ростовщичество, естественно, привели к тому, что возникали не капиталистические фермы, а полуфеодалные хозяйства, работающие чайрикерским трудом. Земельная рента, получаемая крупными землевладельцами, обычно уходила из сельского хозяйства в торговлю и ростовщичество. По неполным и неточным подсчетам Наркомзема УзССР, накануне земреформы сумма выколачиваемой земельной ренты по 4-м областям, где была проведена земельная реформа, достигала 25 миллионов рублей, из которых на одну Ферганскую область падало 18 миллионов. Вся эта громадная сумма ценностей уходила из сельского хозяйства.

Совершенно естественно, что сельское хозяйство в хлопковых районах зашло в тупик, при котором дальнейшее развитие производительных сил сделалось невозможным.

Развитие капитализма вызвало к жизни появление полуфеодалных байских хозяйств, которые сами оказались величайшим тормозом для развития производительных сил. Капитализм в сельском хозяйстве там развивался, но, как и во всякой колонии, развивался в уродливых, убогих, не-

половинчатых формах. Капитализм не произвел там радикальной ломки феодальных отношений, капиталистическая эксплуатация тесно переплеталась с эксплуатацией феодальной, и колониальный дехканин Средней Азии жил под двойным гнетом—и капиталистической и феодальной эксплуатации.

Дехканин страдал одновременно и от развития капитализма и от недостаточности его развития. Это звучит парадоксально, но это именно так. Капитализм, развивая товарность дехканского хозяйства, поставил его в зависимость от рынка, заставил покупать его дорогой хлеб, отнял у дехкана ту относительную устойчивость, которую он имел при натуральном хозяйстве. Но своеобразные условия развития капитализма в колонии, отсутствие промышленности, создали такое положение, при котором разорившийся колониальный крестьянин чрезвычайно медленно превращался в наемного рабочего и очень надолго задерживался в варварских условиях существования парцеллярного собственника, обреченного на полуголодное существование. Такова вообще участь колониального крестьянина, ее не избежал средне-азиатский дехканин. Развитие капитализма в колонии—процесс еще более мучительный, чем в метрополии, гнет феодальных пережитков здесь сильнее, и буржуазия метрополии значительно шире использует эти феодальные пережитки для угнетения феодального крестьянина.

Торговый капитал метрополии старательно использовал феодальные пережитки для эксплуатации колониального дехкана и для того, чтобы возложить на крестьянство всю тяжесть развития капитализма. Но такой путь внедрения капитализма когда к методам капиталистической эксплуатации присоединяется еще гнет феодальных пережитков, является наиболее болезненным. Внедрение капитализма, в Среднюю Азию сопровождалось не решительной ломкой до-капиталистических отношений, а медленным их приспособлением к нуждам капитала. Таков общий путь всех колоний и полуколоний.

Уже мировая война застала сельское хозяйство Средней Азии в состоянии затяжного кризиса сельского хозяйства, в состоянии приостановки роста производительных сил, колоссального обнищания крестьянства. Промышлен-

ная буржуазия метрополии, боясь потерять Туркестан, как хлопковую базу, судорожно искала выхода из этого тупика.

В 1913/14 г., как из рога изобилия, посыпались проекты спасения Туркестана. Тут и грандиозные проекты нового орошения, тут и проекты ссудных касс и организация дешевого кредита, тут и проект Семиреченской железной дороги. Но совершенно ясно, что дальше этих паллиативов даже наиболее радикальная часть буржуазии пойти не могла, ибо она не могла пойти на уничтожение до-капиталистических, феодальных пережитков, на которых покоилась вся система эксплуатации узбекского дехкана. Буржуазия не могла пойти на национализацию земли, на генеральную ее расчистку от феодального хлама, словом, не смогла произвести ломку производственных отношений, которые уже к моменту войны пришли в явное противоречие с интересами развития производительных сил. Не лучше было дело и у местной туземной буржуазии. Как и всякая колониальная буржуазия, она была теснейшим образом связана с феодальными и полуфеодальными элементами своей страны и не могла, конечно, пойти на радикальную ломку до-капиталистических отношений,

Только пролетарская революция могла сломать все эти феодальные пережитки, расчистить землю от феодального хлама, развязать развитие производственных сил. Пролетариату и в Средней Азии пришлось не только произвести социалистическую революцию, но и завершить дело буржуазно-демократической революции. Но и тут проклятые условия колониального прошлого вызвали запоздание в разрешении этой задачи на 8 лет, вместо 1918 в 1925 г.

Первые годы революции не внесли почти никаких изменений в аграрные отношения. Правда, почти каждый советский и партийный съезд в Туркестане выносил резолюции о необходимости проведения земельной реформы, но дело совершенно не двигалось с мертвой точки. Были некоторые разрозненные попытки провести земельную реформу, но они потерпели крах, так как были произведены наскоком, без должной социально-политической обстановки и без достаточной организации масс. Да и сами эти попытки были настолько ничтожны, что о них можно

и не говорить. Так, в 1921 году в Фергане было распределено около 2.000 десятин земли среди бедноты. При чем эта земля частично перешла в руки прежних землевладельцев, частично была просто заброшена. Такие же попытки произвести земельную реформу делались и в Ташкентской области.

Помимо этих „реформ“ в Туркестане, главным образом в казакских районах, была проведена земельная реформа, направленная главным своим острием не на уничтожение феодальных пережитков, а на уничтожение остатков колониального гнета, на уничтожение пережитков колонизаторства.

Так, были конфискованы земли части русских переселенцев и переданы коренному населению.

Реформа эта направлялась, главным образом, по линии национальной и, конечно, не внесла существенных изменений в аграрный строй Средней Азии. Итак, фактически до земельной реформы 1925 года аграрные отношения остались почти такими же, как и в 1917 году. Лучшей иллюстрацией того, что земельные отношения за период 1917—1925 года почти не изменились, является сравнение материалов переписей 1917 года с материалами земельного учета 1925 года. Так, группировка хозяйств по землевладению по Ферганской области представляется в следующем виде:

1917 г. д.		1925 г. д.	
Группировка хоз. по землевлад.	% к итогу.	Группировка хоз. по землевлад.	% к итогу.
Беззем.	Неизвестно.	Беззем.	3,4
До 1 дес.	51	До 1 дес.	49,08
От 1 до 3 дес. .	30,1	От 1 до 3 дес. .	33,03
„ 3 „ 5 „ .	9,1	„ 3 „ 7 „ .	10,6
„ 5 „ 10 „ .	9,3	Свыше 7 „ .	2,9
Свыше 10 „ .	3,5		

Тут, к сожалению, по чисто техническим условиям не удалось взять одинаковую группировку для 1917 и 1925 гг., но все же и при неодинаковой группировке совершенно очевидно, что за 8 лет революции изменения в земельных отношениях были чрезвычайно незначительны. Так, бедняцкая группа до 1 десятины сократилась только на 1,2%, очень мало сократилась кулацкая группа, мало выросла середняцкая.

Не только не изменилась группировка хозяйств по землевладению, но еще до самого 1925 года земля оставалась частной собственностью, и, несмотря на существование в Туркесреспублике декрета о национализации земли и воды, купля и продажа земли была обычным явлением, даже накануне земельной реформы.

Точно также и в Туркмении первые годы революции не внесли существенных изменений в земельные отношения. Также шла купля и продажа мюльковых земель, точно также, используя брачное право, байство концентрировало в своих руках санашковые земли.

Изменения, произведенные революцией, не коснулись аграрных отношений и привели лишь к тому, что среднеазиатский крестьянин, до революции связывавшийся через посредство своей торговой буржуазии с российской торговой и финансовой буржуазией в лице хлопковых фирм и московских банков, в период 1918—1925 года стал связываться с социалистическим сектором нашего народного хозяйства в лице хлопкового комитета. Но даже то, что на место аппарата колониальной эксплуатации встал аппарат пролетарской власти, оказалось недостаточным для изменения земельных отношений. Больше того, все те мероприятия и вся та помощь, которую социалистический сектор нашего хозяйства оказывал среднеазиатскому крестьянину, фактически до него не доходили, ибо, благодаря сохранению феодальных пережитков, они застревали в руках баев. Неизменность этих аграрных отношений парализовала все мероприятия, направленные на поднятие сельского хозяйства в Туркестане, на развитие его производительных сил, на его социалистическое переустройство. Достаточно указать, что громадные кредиты по линии Хлопкома и Сельхозбанка, которые являлись мощным рычагом в деле социалистического переустрой-

ства деревни, до непосредственного производителя чайрикера не достигали. Попадая в байские руки, эти средства частью уходили в торговлю, а частично на ростовщических процентах передавались чайрикерам. Сохранение до-революционных аграрных отношений мешало смычке рабочего класса Союза с средне-азиатским дехканином, ибо между ними стоял „посредник“ в лице бая, эти же отношения мешали воздействию социалистического сектора нашего хозяйства на дехканское хозяйство Средней Азии.

И тут, естественно, возникает вопрос, почему все же в течение восьми лет революции аграрный вопрос не был разрешен, чем вызвано столь позднее завершение буржуазно-демократической революции в Средней Азии.

У нас, когда говорят о причинах запоздания земельной реформы, обычно ссылаются на гражданскую войну, отрыв от центра, басмачество, слабость соваппарата и ряд других причин. Все они, бесспорно, сыграли свою роль в деле запоздания земельной реформы, но основную коренную причину нельзя находить только в этом. Ведь, никакая гражданская война, никакая слабость аппарата не могли же остановить аграрной революции в России. Следовательно, дело не в этом. Причину запоздания нужно, по нашему мнению, искать в некоторых особенностях развития пролетарской революции в бывших колониях.

Дело в том, что есть безусловная разница в ходе революции в странах угнетающих и угнетенных. Это различие между странами угнетающими и угнетенными было неоднократно подчеркиваемо Лениным, и без понимания этой разницы нельзя ничего понять в основных вопросах революции в колониальных странах. Так, Ленин характеризуя тезисы по колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна, говорил: „Что является самой важной, основной идеей наших тезисов?—Различие между угнетенными и угнетающими народами“ (Ленин, т. XVII стр. 274). Игнорирование этой разницы неизбежно приводит к крупнейшим политическим ошибкам, аналогичным ошибкам оппозиции в вопросах китайской революции.

В чем же состоит это отличие? Оно заключается в том, что в странах угнетенных огромную роль играет национальный фактор. Если пролетарская революция в России в момент, когда ей пришлось завершать и до-

делывать буржуазно-демократическую революцию, в первую очередь принялась за разрешение аграрного вопроса, то пролетарской революции в колонии, в данном случае в Туркестане, пришлось заняться разрешением национального вопроса, борьбой с наследием колониального прошлого.

Такая постановка вопроса, конечно, не означает противопоставления национально-освободительных и аграрных задач революции. Никакого противоречия между ними нет. Наоборот, последовательная борьба с пережитками колонизаторства невозможна при помощи одних декретов из центра. Для преодоления колониального наследия, установления подлинной и близкой массам советской власти в колонии, нужно поднять широчайшие массы крестьянства, задавленные и феодально-капиталистическими элементами своей страны и метрополии. Поднять крестьянские массы можно только освободив их от гнета феодальных пережитков. Следовательно, существует неразрывная связь между национально-освободительной и аграрной революцией. Нельзя уничтожить окончательно наследие колониального прошлого, не подымая широчайших масс крестьянства, а поднять широкие массы крестьянства нельзя не разрешая аграрного вопроса. Но, для разрешения аграрного вопроса, без которого немыслимо и окончательное разрешение национально-освободительных задач пролетарской революции и установление смычки между колониальным крестьянством и пролетариатом метрополии, нужно преодолеть ряд трудностей, которых нет в странах метрополии.

Главнейшая трудность заключается в том, что нужно парализовать влияние местной буржуазии, вырвать из-под ее влияния широкие массы крестьянства. Буржуазия, которая в странах метрополии в эпоху империализма и пролетарской революции играет всегда контр-революционную роль, в странах угнетенных на определенных отрезках времени может сыграть об'ективно революционную роль, борясь с империализмом. Конечно, туземная буржуазия, связанная, с одной стороны, с феодальными элементами своей страны и с элементами торгового и финансового капитала метрополии, с другой, не способна на последовательную борьбу с империализмом, но в опре-

деленные моменты она все же выступает против него. Так, бухарская национальная буржуазия играла об'ективно революционную роль во время борьбы с эмиратом, так и у туркестанской национальной буржуазии бывали, хоть и очень короткие, но об'ективно революционные дни. Анти-империалистические настроения национальной буржуазии, а, главным образом, тот факт, что уже при установлении советской власти она активно боролась с пережитками колониального прошлого, давали ей возможность иметь значительное влияние на широкие массы крестьянства. Парализовать ее влияние на широкие массы можно было только правильной политикой партии в области национального вопроса.

Каждая ошибка в области национальной политики, иногда просто недостаточно чуткое отношение к ранее угнетенной национальности толкали широкие массы крестьянства в об'ятия национальной буржуазии. И только правильная политика партии в области национального вопроса, проведение в жизнь ряда мероприятий по уничтожению фактического неравенства привели к тому, что удельный вес национальной буржуазии на наших окраинах падал с каждым днем и к моменту земельной реформы стал совершенно ничтожным. Широкие массы крестьянства сменили национальные лозунги классовыми, все элементы туземной буржуазии перешли на сторону контр-революции. Национальная буржуазия в результате правильной национальной политики партии и соввласти потеряла всякое влияние на массы.

Оппозиция в последних документах утверждала, что на национальных окраинах, в частности, в Узбекистане, руководящую роль играет национальная буржуазия. Это вздорное обвинение лучше всего опровергается самим фактом земельной реформы, проведенной при сопротивлении всех элементов национальной буржуазии. Именно, правильная политика партии на национальных окраинах совершенно парализовала национальную буржуазию, выбила почву из-под ее ног, вырвала из-под ее влияния широкие массы крестьянства и тем самым создала благоприятную социально-политическую обстановку для проведения земельной реформы. Действительно, что было нужно для проведения земельной реформы и чего не хва-

тало в первые годы соввласти в Туркестане, это — организация бедняцких и середняцких масс, мобилизация их для борьбы за землю и существование крепкой партийной организации, способной руководить борьбой за землю, ввести эту борьбу в организованные рамки. Отсутствие этих двух основных предпосылок мешало проведению земельной реформы и, в свою очередь, обусловило целый ряд других моментов, тормозящих проведение земельной реформы, вроде слабости советского аппарата и т. д. Если организация бедняцких и середняцких масс для земреформы сделалась возможной лишь на восьмом году революции, то также лишь в последние годы сложилась и укрепились в средней Азии более или менее крепкая партийная организация. Преодолевая в своих рядах уклоны как в сторону великодержавного шовинизма, так и в сторону буржуазного национализма, большевизируясь на борьбе с этими уклонами, вырастала партия, способная встать во главе борьбы за землю и провести под своим руководством столь организованно аграрную революцию.

И, действительно, после проведения национального размежевания республик Средней Азии, когда обе эти предпосылки были налицо, сразу же было приступлено к проведению земельной реформы.

Важнейшей политической задачей при проведении земельной реформы было сохранение и дальнейшее укрепление бедняцкого и середняцкого блока. Разрыв этого блока во время земреформы создал бы чрезвычайно неблагоприятную и политически опасную обстановку. Необходимость сохранения блока во время проведения земреформы настолько очевидна, что об этом можно и не распространяться.

Но сохранение и укрепление этого блока было делом нелегким в виду одной характерной особенности земельной реформы, отличающей земельную реформу от аграрной революции в России. В России борьба с помещиками — конфискация помещичьих земель, т.-е. завершение буржуазно-демократической революции в деревне, и борьба с деревенской буржуазией, с кулаком, т.-е. социалистическая революция в деревне, — не совпадали. Если первая задача была разрешена фактически немедленно после

Октября 1917 г., то вторая задача была решена несколько позднее, в эпоху комбедов в 18 году.

Несколько иная обстановка была в Средней Азии. Там, благодаря запозданию в разрешении аграрного вопроса, земреформа сразу должна была разрешить обе задачи т.-е. не только уничтожить феодальные пережитки и тем самым завершить буржуазно-демократическую революцию, но она также должна была совершить переростание буржуазно-демократической революции в социалистическую, т.-е. провести борьбу с капиталистическими элементами деревни — с кулаком.

Нелепо думать, что земреформа ударила только по феодальным пережиткам, она не менее больно ударила и по капиталистическим элементам деревни, по кулаку, деревенскому ростовщику, торговцу.

Сочетание в земреформе этих двух политических задач создало ряд крупнейших затруднений. Если в России на борьбу с помещиком шло все крестьянство, включая сюда и кулака, то на проведение земреформы все дехканство итти не могло, ибо земреформа была не только борьбой с помещиком, но и борьбой с деревенской буржуазией. Это и создало иную расстановку классовых сил. Земельная реформа проводилась при большой политической активности деревенской бедноты, настороженности и недоверчивого отношения середняка на первом этапе реформы и полной враждебности как помещиков, так и всех элементов городской и деревенской буржуазии. Не разорвать связи с середняком, не дать возможности перетянуть середняка на свою сторону деревенскому кулаку, — вот какова была политическая задача момента. И эта задача была выполнена.

Средняк, в начале земреформы относившийся весьма настороженно ко всем мероприятиям и колебавшийся в процессе проведения земельной реформы, убедился, что земреформа его не заденет, крепче связался с бедняком, и в результате проведения земельной реформы мы имеем усиление бедняцко-середняцкого блока. Выполнение этой основной политической задачи и послужило залогом успеха земельной реформы.

Огромная работа по организации деревенской бедноты была проведена накануне земреформы в форме создания

чайрикерских групп в комиссии содействия земреформе. Эти организации деревенской бедноты на первом этапе помогли выявлению помещичьих земель, провели борьбу с сокрытием инвентаря. И когда эта предварительная работа по организации масс и выявлению с их помощью сокрытых земель и инвентаря была проведена, тогда-то и началась работа по проведению земельной реформы.

Не входя здесь в технику организации работ по земреформе, мы коснемся здесь лишь основного содержания ее.

Земельная реформа в первую очередь, т.-е. в 1925—1926 году, была проведена в трех областях Узбекской Республики — Ташкентской, Ферганской и Самаркандской, т.-е. в областях с наиболее развитыми товарными отношениями, наиболее передовых в культурном отношении, и в пяти районах Мервского и Полторацкого округов Туркменской республики. В 1926/27 г. земельная реформа была проведена в Зеравшанском округе, входившем до нацразмежевания, т.-е. до 1923 года, в состав Бухарской Народной Советской Республики. В Киргизии только в этом году приступили к проведению земельной реформы.

Основное содержание земреформы в узбекских районах заключалось в том, что хозяйства так называемых помещиков, владеющих в Ферганской области землей свыше 40 десятин, в Самаркандской и Ташкентской свыше 50 десятин, а в Зеравшанской свыше 35 десятин, были ликвидированы полностью и у них целиком была отобрана земля, рабочий скот и инвентарь. Хозяйства кулацкие, имевшие более 10 десятин в Ташкентской и Самаркандской областях, более 9 десятин в Зеравшанской и 7 десятин в Ферганской, были урезаны, т.-е. у них отбирались излишки земли сверх нормы и также выкупался рабочий скот и инвентарь, если таковой имелся свыше нормы оставления.

Из этих земель плюс земли культурных вакуфов, земель крупных торговцев и земель городских жителей, не ведущих хозяйства, составилась земельный фонд.

По всем четырем областям Узбекской республики было отобрано 215.134,94 десятины. Отобранная земля по группам хозяйств распределялась следующим образом:

Отобрано.	Колич. десятин.
У помещиков	43.459,43
„ крупн. торговцев	1.222,71
„ имеющих сверх нормы	57.389,14
„ городск. населения	33.831,22
Госуд., вакуфн. и обществ. зем.	27.459,06
Выморочных	4.264,31
Прочих	47.519,07
Итого	215.134,94

Всего было ликвидировано 594 помещичьих хозяйства, 1.001 хозяйство крупных торговцев, 13.603 прочих (сюда вошли главным образом горожане, имеющие земли в деревне и не ведущие хозяйства) и были урезаны излишки земли у 6.878 хозяйств, имеющих сверх нормы. Всего было задето земреформой 25.484 хозяйства, что составляет 4,27% всего числа хозяйств и 3,4% всех хозяйств, живущих в кишлаке.

Земельная реформа передала в фонд наделения 10% всех поливных земель.

Поскольку земреформа своим главным острием направлялась против пережитков феодализма и против института чайрикерства, постольку понятно, что и наделение земель было поставлено так, чтобы нанести решающий удар чайрикерству. Земля в первую очередь закреплялась за чайрикерами, которые обрабатывали ее и были связаны с ликвидируемым или урезываемым хозяйством. Земля, оставшаяся после закрепления ее за чайрикерами, раздавалась каралам (годовым рабочим), работавшим в данном хозяйстве, и другим безземельным и малоземельным дехканам.

Всего со всеми ликвидированными и ущемленными хозяйствами было связано и находилось у них в зависимости 22.495 хозяйств чайрикеров и шириков и 761 каралов; 22,5 тысячи семейств находилось в полуфеодальной кабале у хозяйств, затронутых земреформой¹⁾. Земельная реформа в первую очередь освободила их от колониальной зависимости, закрепив за ними обрабатываемую ими землю и наделив их инвентарем.

1) Сюда не вошли данные о Зеравшанской области.

Всего в процессе земреформы в Узбекистане было устроено 61.103 хозяйства и 387 артелей с 2.211 семейств¹⁾. В том числе было устроено 28.853 чайрикера, 5.745 годовых и поденных рабочих и 26.525 безземельных и мало-земельных дехкан.

Земельная реформа ударила по чайрикерству, избавив свыше 28.000 чайрикеров от полуфеодальной кабалы, поурезала кулака и устроила свыше 26.000 безземельных и малоземельных дехкан.

Земельная реформа тем самым не только выполнила задачу борьбы с феодальными пережитками, но она и с немалым успехом провела дело борьбы с кулаком, оказала реальную помощь деревенской бедноте, вызвала переход громадного количества бедняцких хозяйств в средняцкие.

Земельная реформа в Средней Азии является лучшим опровержением оппозиционных басен о ставке на кулака и иллюстрацией того, что даже на отдаленных национальных окраинах интенсивно ведется борьба с кулаком и что дифференциация крестьянства в советских условиях проходит совсем не так, как при капитализме: растет средняцкий слой и сокращаются крайние группы бедноты и кулаков. Лучшей иллюстрацией этого положения может послужить следующая таблица (см. стр. 162):

Действительно по 4 областям почти исчезла группа безземельных, упав с 4,3% до 0,5%, бедняцкая группа до 1 десятины также сократилась на 40%, вместо 38,1%, 34,3% и, наконец, почти вдвое сократилась кулацкая группа—с 6 до 3,8%. Зато значительно вырос средняцкий слой, почти на 10%. Цифры эти настолько красноречивы, что не нуждаются в комментариях.

Но мало того, что изменилось группировка хозяйств по земле. Вновь устроенным бедняцким хозяйствам была оказана реальная помощь в деле их инвентаризации. Та реальная помощь, которая была оказана бедноте, плюс целый ряд мероприятий социально-политического характера являются лучшей гарантией того, что земреформа была достаточно прочно закреплена.

¹⁾ Кроме этого, 12.557 хозяйств было устроено на землях нового орошения и им было роздано 29.641 десятина.

№№ по пор.	ГРУППИРОВКА ХОЗЯЙСТВ.	Было до земреформы.		Стало после земреформы.	
		Число хозяйств.	% к итого.	Число хозяйств.	% к итого.
Ферганская область.					
1	Безземельн.	9.555	3,04	550	0,2
2	До 1 дес.	140.705	49,08	132.815	47,1
3	От 1 до 3 дес.	94.261	33,03	111.977	39,6
4	„ 3 „ 7 „	29.886	10,6	36.367	12,8
5	Свыше 7 „	8.203	2,9	890	0,3
Ташкентская область.					
1	Безземельн.	8.136	12,5	355	0,5
2	До 1 дес.	11.744	18,1	8.905	13,8
3	От 1 до 3 дес.	21.622	30,3	25.565	39,4
4	„ 3 „ 10 „	22.077	34,0	27.729	42,8
5	Свыше 10 „	3.232	5,0	2.257	3,5
Самаркандская область.					
1	Безземельн.	3.330	2,8	136	0,1
2	До 1 дес.	30.726	25,9	29.570	24,9
3	От 1 до 3 дес.	29.980	25,3	31.773	26,8
4	„ 3 „ 10 „	36.295	30,6	39.582	33,4
5	Свыше 10 „	18. 04	15,3	17.474	14,7
	Не выяснено	113	0,1	113	0,1
Зеравшанская область ¹⁾ .					
1	Безземельн.	2.676	2,7	1.829	1,9
2	До 1 дес.	25.599	25,7	22.019	22,7
3	От 1 до 3 дес.	42.525	42,7	42.867	44,1
4	„ 3 „ 7 „	25.682	25,8	29.767	30,6
5	Свыше 7 „	3.140	3,1	686	0,7
Итого по 4 областям.					
1	Безземельн.	23.697	4,3	2.870	0,5
2	До 1 дес.	208.774	38,1	193.309	34,3
3	От 1 до 3 дес.	168.388	30,8	212.182	37,7
4	„ 3 „ 9 „	113.940	20,8	133.445	23,7
5	Свыше 9 „	32.779	6,0	21.307	3,8

1) Сюда не вошло 1.008 хоз., ликвидированных у помещиков и крупных торговцев.

Почти все вновь устроенные хозяйства были снабжены рабочим скотом или деньгами на вспашку.

80% вновь устроенных хозяйств было удовлетворено рабочим скотом в натуре, или в виде денежного кредита на его покупку из расчета по одной голове на хозяйство. Около 15% хозяйств получили деньги на вспашку, или их земли были вспаханы тракторами, и только 4,3% всех вновь устроенных хозяйств оказались не обеспеченными рабочим скотом и деньгами на вспашку. Семенную помощь и мертвый инвентарь туземного типа получили все вновь устроенные хозяйства. Все ссуды по рабочему скоту и европейскому инвентарю были долгосрочные до осени 1928 года, остальные кредитования краткосрочные. Все вновь устроенные хозяйства были в первом году освобождены от сельхозналога.

Такие размеры хозяйственной помощи помогли вновь устроенным хозяйствам стать на ноги и освоить большую часть полученных земель.

Второй съезд Советов Узбекской Республики, подводя итоги земреформы, следующим образом характеризовал ее результаты:

„Подводя итоги проведенной в Ферганской, Ташкентской, Самаркандской и Зеравшанской областях земельной реформы и констатируя, что земельная реформа ликвидировала помещичью группу хозяйств, нанесла решающий удар препятствовавшим росту производительных сил крепостническим пережиткам в кишлаке, освободила трудовое дехканство от значительной части ренты, ежегодно выплачиваемой паразитическим слоям города и деревни, значительно сократила малоземелье, увеличила размеры трудового землепользования, дала возможность для начала переустройства сельского хозяйства на социалистических началах, способствовала поднятию малоимощных слоев деревни, дала возможность дальнейшему укреплению середняцкой группы хозяйств, значительно ослабила кулацкую группу, способствовала созданию бедняцко-середняцкого блока и изоляции кулацкой группы, подняла политическую активность широких слоев дехканства, создала широкий бедняцкий и середняцкий актив, с успехом ведущий работу по строительству Советов и очищению их от байского влияния, и значительно под-

няла классовое самосознание дехканства 2 Всеузбекский курултай Советов рабочих и дехканских депутатов полностью одобряет произведенную работу“.

Таковы результаты земельной реформы по Узбекской ССР. В Туркмении же земреформа упразднила деление земель на мюльковые и санашковые, освободила землю от родовых загородок, уничтожила ежегодные переделы земель, мешавшие развитию производительных сил в сельском хозяйстве. Там были проведены в жизнь начала трудового землепользования на основе национализации земли и воды, и вместо родового водо-землепользования было поставлено трудовое. Был нанесен сокрушающий удар родовой аристократии и байству, было уничтожено брачное право, являвшееся орудием концентрации земли. Кроме того, в Мервском округе был проведен ряд мероприятий по линии борьбы с чересполосицей и дально-земельем. На этих мероприятиях землеустроительного характера мы здесь останавливаться не будем.

В результате урезки излишков у всех владевших земель свыше двух с половиной десятин в Полторацком и пяти десятин в Мервском округе и отчуждению земли и воды у ряда других групп землевладельцев (торговцев, служителей религиозного культа), был получен земельный фонд—2.314 десятин в Полторацком округе и 1.000 десятин в Мервском. Кроме того, в фонд вошли все санашковые земли, общественные и принадлежащие ГЗИ.

Упразднив все деления земель в этих районах на мюльки, санашки, силах-су и вакуфы, передав землю и воду дехканам в бессрочное подворно-трудовое пользование по норме для Мервского округа в 3 десятины и Полторацкого в 1¹/₂, земреформа установила следующий порядок наделения землей. В первую очередь землей наделялись безземельные, затем малоземельные и в третью очередь те дехкане, которые до сих не вели самостоятельного хозяйства, но которые выразили желание работать на земле. „При соблюдении очередей, преимущество отдается тем, которые работали на отчужденных землях в качестве арендаторов-издольщиков, а из этой категории преимущество дается тем, которые в той или иной степени обладают инвентарем“. (§ 12 инструкции о проведении земреформы). Таким образом, и в Туркмении

земреформа нанесла серьезный удар и по кабальным чайрикерским отношениям. Всего было наделено 10.076 хозяйств по Полторацкому округу, в том числе 3.417 безземельных, и по Мервскому округу 2.894, конфискации подверглось 3.753 хозяйства и урезке — 3.060¹⁾).

Земельная реформа не только расчистила землю от хлама феодальных и родовых пережитков, не только нанесла удар капиталистическим элементам деревни и укрепила бедняцко-середняцкий блок, она еще совершенно обновила и оздоровила весь низовой советский аппарат и аппарат союза Кошчи.

Непосредственно произведенные после земреформы перевыборы Советов и чистка союза Кошчи закрепили политические результаты земреформы, политически добились кулака и родового вождя, имевших до земреформы большое влияние в низовом, советском и кошчинском аппарате, организационно закрепили бедняцкий и середняцкий блок. Значительная засоренность советского и кошчинского аппарата, с которой безуспешно до земреформы боролись в течение нескольких лет, после земреформы, благодаря колоссальному подъему активности бедняцких и середняцких масс, была изжита.

Байские элементы и родовые вожди изгонялись из советов и союзов Кошчи, и даже в „священной Бухаре“ во время земреформы бедняки изгоняли баев из избирательных собраний и слагали песни, высмеивающие бая и муллу. От былого благочестия после земреформы ничего не осталось.

Земельная реформа сопровождалась невиданными раньше в Средней Азии схватками классовой борьбы, и в результате — полная победа бедняцко-середняцкого блока и в советах и в союзе Кошчи.

Если к этому еще добавить, что непосредственно после проведения земреформы была проведена проверка кишлачных и аульных партячеек, которая очистила деревенские парторганизации от чуждых и примазавшихся элементов, и что одновременно с проверкой в партию влились большие пласты бедняцкого актива, поднятые

1) Более подробных цифровых данных по Туркмении получить не удалось.

впервые земреформой к политической жизни, то тогда станут понятными те изменения, которые произошли в Средней Азии в результате реформы.

Укрепление партийной организации в кишлаке, оздоровление низового советского и кошчинского аппарата, укрепление бедняцко-середняцкого блока — таковы ее политические итоги.

А в области экономической — фактическая национализация земли, уничтожение феодально-родовых пережитков, серьезный удар по капиталистическим элементам деревни.

Задачи, которые встают после земреформы, идут как по линии окончательного уничтожения и искоренения феодальных пережитков, так и по линии социалистического переустройства кишлака.

По первой линии стоит задача изживания чайрикерства в существующих его формах.

Ведь, и после земреформы чайрикерство осталось даже у середняцких хозяйств в хлопковых районах. Хлопок, как культура чрезвычайно трудоемкая, требует более широких размеров применения наемного труда, а преобладающей формой применения наемного труда является чайрикерство. Сейчас ликвидировать эти остатки чайрикерства нужно и можно путем регламентации чайрикерского труда, путем перевода его на рельсы наемного труда, регламентированного и охраняемого советским законодательством о труде. Превратить часть чайрикеров из полукрепостных в наемных сельскохозяйственных рабочих, переселить другую часть на земли нового орошения и превратить их в самостоятельных хозяев — таков, очевидно, путь ликвидации этого средне-векового института.

Гораздо более серьезны и важны задачи социалистического переустройства кишлака и аула.

Меньшевики и полу-меньшевики всех толков, включая сюда и нашу оппозицию, очень любят издеваться насчет „социализма в Туркестане“, не пытаясь разобраться в тех предпосылках, которые имеются для строительства социализма в Средней Азии. Конечно, дело вовлечения таких районов, как Средняя Азия, в русло социалистического строительства является очень трудным и было бы чрезвычайно наивно думать, что земреформой преодолены

все трудности, стоящие на пути социалистического строительства.

Но в экономике Средней Азии, особенно ее хлопковых районов, есть целый ряд моментов, чрезвычайно облегчающих вовлечение дехканства в строительство социализма. Хлопковое хозяйство, являясь высоко товарным, через кооперацию тесно связано с социалистической промышленностью и свыше 90% своих продуктов оно передает через кооперацию социалистическому сектору народного хозяйства.

Такое положение вещей чрезвычайно облегчает воздействие социалистического сектора на крестьянское хозяйство, облегчает дело его планового регулирования. Если к этому добавить, что вода тоже находится в руках пролетарского государства и что это тоже во много раз облегчает дело планового воздействия, то станет совершенно ясным, что, несмотря на колоссальную культурную отсталость в Средней Азии, там имеются совершенно достаточные предпосылки для социалистического строительства.

Сейчас кооперирование идет, главным образом, по линии организации и кредитования посевов и их контрактации и организации сбыта, но уже намечается переростание в высшие производственные формы кооперирования.

Кооперированный дехканин, через кооперацию связанный с социалистической промышленностью,—это почти все, что нужно для осуществления ленинского кооперативного плана.

Земреформа, ликвидировав феодально-родовые пережитки и уничтожив бая-посредника между социалистической промышленностью и дехканством, значительно укрепила социалистический тип связи между Средней Азией и Советским Союзом, т. е. такой тип связи, при котором крестьянство бывшей колонии через кооперацию связывается с социалистическим сектором и, подвергаясь его организованному воздействию, активно участвует в деле строительства социализма.

В этом-то и заключается главный исторический смысл земельной реформы.

Е. Зелькина.